ТЕМПОРАЛЬНЫЕ РЕСУРСЫ ВОЛОНТЕРОВ РОССИЙСКОГО МЕГАПОЛИСА: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ УПРАВЛЕНИЯ

Певная М. В.

кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социологии и социальных технологий управления Института государственного управления и предпринимательства, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Россия), 620026, Россия, г. Екатеринбург, ул. Народной воли, д.69, к. 27, m.v.pevnaya@urfu.ru

Амбарова П. А.

кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социологии и социальных технологий управления Института государственного управления и предпринимательства, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Россия), 620026, Россия, г. Екатеринбург, ул. Луначарского, д. 210/а, к. 29, p.a.ambarova@urfu.ru

УДК 316.354.2
ББК 60.547

Цель. Исследовать темпоральные ресурсы волонтеров российского мегаполиса в контексте прогнозирования перспектив эффективного управления ими в муниципальных образованиях.

Методы. Исследование базируется на результатах социологических опросов ИФ «Общественное мнение», проектах НИИ «ВШЭ», а также авторских социологических исследований, проведенных на региональном уровне. Анализируются данные репрезентативного опроса волонтеров г. Екатеринбурга (N-604, 2014); результаты экспертных интервью с руководителями ведущих некоммерческих организаций Свердловской области различных типов (N-22, 2013).

Результаты и практическая значимость. Статья посвящена поиску способов и механизмов, обеспечивающих успешность и результативность деятельности российских волонтеров. Согласно полученным социологическим данным, эти возможности сосредоточены в умелом управлении темпоральными ресурсами волонтеров как социальным временем, имеющимся в их распоряжении. В статье рассмотрены темпоральные ресурсы волонтеров г. Екатеринбурга, проанализированы отдельные аспекты их использования, в частности сопряжение волонтерского труда с трудовой и досуговой видами деятельности добровольцев, их мотивация и специфика возраста.

Научная новизна. Раскрыты ключевые проблемы управления российскими волонтерами, обозначены перспективы развития волонтерства в пределах отдельных муниципальных образований в условиях нестабильной социально-экономической ситуации с учетом ключевых темпоральных ресурсов самих волонтеров.

Финансирование. Публикация подготовлена в рамках гранта РГНФ № 14-03-00072 «Нелинейная динамика социального времени в зеркале темпоральных стратегий поведения городских социальных общностей».

Ключевые слова: волонтерская общность, темпоральные ресурсы, управление волонтерством, конвертация темпоральный ресурсов.

TEMPORAL VOLUNTEERS RESOURCES OF RUSSIAN CITIES: PROBLEMS AND PROSPECTS OF MANAGEMENT

Pevnaya M. V.

Candidate of Science (sociology), Associate Professor, Associate Professor of Sociology and Social Management Technologies of the Institute of Public Administration and Business, Ural Federal University named after the first President of Russian Federation Boris Yeltsin (Russia), 69, Narodnoy Voli st., Yekaterinburg, 620026, m.v.pevnaya@urfu.ru

© Певная М. В., Амбарова П. А., 2015

Ambarova P.A.

Candidate of Science (sociology), Associate Professor, Associate Professor of Sociology and Social Management Technologies of the Institute of Public Administration and Business, Ural Federal University named after the first President of Russian Federation Boris Yeltsin (Russia), 210/a, Lunacharskogo st., Yekaterinburg, 620026, p.a.ambarova@urfu.ru

Purpose. To investigate temporal resources of the volunteers of the Russian megalopolis in the context of forecasting the prospects of effective management in municipalities.

Methods. The study is based on the results of opinion polls by the fund «Obshestvennoye mneniye», projects of the Research Institute of the "Higher School of Economics", and also the author's sociological researches conducted at the regional level. The author analyzes the data of a representative survey of volunteers in Ekaterinburg (N-604, 2014); the results of interviews with the heads of the leading non-profit organizations of various types of Sverdlovsk region (N-22, 2013).

Results and practical significance. The article is devoted to finding ways and mechanisms to ensure the success and effectiveness of the Russian volunteers. According to the sociological data, these opportunities are concentrated in the skillful management of the temporal resource of volunteers as a social time at their disposal. The article describes the temporal resources of volunteers in Ekaterinburg, analyzes some aspects of their use, especially paired volunteer labor with employment and leisure activities of the volunteers, their motivation and specific age.

Scientific novelty. The article deals with the key issues of management of the Russian volunteers, outlines perspectives for the development of volunteering within individual municipalities in an unstable socio-economic situation, taking into account the temporal key resources of volunteers themselves.

Financing. This publication was prepared under the grant of the Russian Humanitarian Science Foundation N 14-03-00072 «Nonlinear dynamics of social time in the mirror of the temporal behavior strategies of urban social communities».

Key words: volunteer community, temporal resources, volunteering management, conversion of the temporal resources.

Актуальность проблемы

В современной России волонтерство является значимым социальным явлением. Волонтерское движение в стране достаточно популярно. По результатам различных социологических исследований в течение последних двух лет около 3% всего населения страны старше 18 лет хотя бы один раз работали добровольцами в некоммерческих организациях, неформальные добровольческие инициативы проявляли от 66 до 89% россиян [1].

Активность членов волонтерской общности нашей страны по большей мере локализуется в городское среде. Волонтеры взаимодействуют, пересекаются и проникают в другие городские общности. По самым последним замерам социологов наибольшее число волонтеров сегодня проживает в г. Москве и городах с населением от 50 до 250 тыс человек (по 16% от числа всех жителей данных территорий); 11,4% населения мегаполисов (с населением от 250 до 1 млн человек) и малых городов (менее 50 тыс. жителей) безвозмездно помогали незнакомым за последний год, наименьшее число добровольцев – 7,6% от числа всех респондентов − жители сельской местности [2].

Следует отметить постоянное расширение направлений волонтерской деятельности. Добровольные помощники ведут сайты и блоги социальной направленности, тушат пожары, работают в театрах и музеях, помогают бездомным животным, оказывают помощь социальным сиротам, участвуют в проведении спортивных мероприятий и т.д. Появляются новые формы волонтерства, реализуемые в рамках деятельности НКО, в государственных учреждениях при посредничестве НКО, при активности самоорганизующихся групп горожан.

Несмотря на увеличение численности добровольцев и развитие самой волонтерской деятельности, потенциал волонтерской общности, локализованной в российских городах, не используется в полной мере. Так, в 2013 г. результаты опроса ФОМ показали, что допускали для себя возможность в будущем заниматься добровольчеством 39% россиян, а исключают такую возможность 41% респондентов, затруднился дать ответ по этому вопросу каждый второй (19%) [3].

В то же время, если же речь заходит о конкретном событии или стихийном бедствии, о котором знает вся общественность, замеры общественного мнения фиксировали более высокий уровень готовности россиян помогать пострадавшим людям. В частности, исследователи ФОМ приводят следующие данные: если бы к людям обратились с предложением оказать помощь людям, пострадавшим от наводнения на Дальнем Востоке, то пожертвовать одежду или необходимые вещи были готовы 48% респондентов, оказать материальную помощь – 28%, участвовать в организации акции

по сбору одежды, необходимых вещей был готов каждый четвертый россиянин (24%), организовать сбор денег – каждый десятый (10%), собирать и организовывать волонтеров изъявили желание 6%, оказать реальную помощь, быть волонтером, помочь в ликвидации последствий наводнения – 6% из числа всех опрошенных. Россиян, не готовых участвовать в каких-либо акциях или поддерживать их материально, оказалось 19%, 8% затруднились дать ответ на этот вопрос [4].

Осенью 2013 г. исследователи ФОМ изучали установки россиян на благотворительную активность. Они измеряли намерения людей принять участие в разных ситуациях, когда требуется конкретная помощи детям. Результаты опроса продемонстрировали, что 58% россиян готовы предпринимать какие-либо действия для того, чтобы оказать помощь нуждающимся детям. Несколько меньше (54%) респондентов готовы организовывать сбор денег или сами вносить средства на дорогостоящее лечение детей. Выступить в роли волонтеров и помочь коллективу детей готовы 38% респондентов, оказать содействие одному ребенку – 18% опрошенных.

Крупные российские города являются центрами, в которых сосредоточены экономические, политические, образовательные и культурные ресурсы отдельных регионов. В них сосредоточен потенциал для развития волонтерства, имеются перспективы для его реализации. Неэффективное его использование, по нашему мнению, связано с качеством управления волонтерством именно на уровне отдельных муниципальных образований. Мы подчеркиваем значение муниципального уровня управления, так как на федеральном и региональном уровнях государственного управления волонтерство регулируется опосредованно, через ресурсную поддержку некоммерческого сектора и отдельные (нужные, в первую очередь самому государству) программы и субсидии.

Мы полагаем, что регулирование волонтерства на уровне отдельных муниципальных образований может быть результативным в силу ряда причин. Во-первых, местные органы власти ближе всего к реальным проблемам конкретных людей и имеют возможность более оперативного реагирования на них. Во-вторых, некоммерческий сектор отдельных муниципальных образований достаточно прозрачен для органов местного самоуправления, которые могут видеть реальную работу третьего сектора и давать ему объективную оценку. В-третьих, именно местные органы власти владеют информацией о динамике социальных и экономических показателей города, знают специфику культуры и традиции населения, проживающего на его территории. Как правило, на уровне отдельных муниципалитетов реализуется программа конкретных действий, направленных на взаимодействие управляющих субъектов государственных социальных учреждений и некоммерческих организаций с волонтерами. Именно в городском пространстве появляются различные формы стихийного объединения волонтеров для самостоятельного решения социальных проблем и оказания помощи конкретным людям.

Сегодня государство в лице чиновников разного уровня односторонне воздействует на отдельные группы волонтеров. Вырабатываемая государством программа деятельности (волонтерской активности) не всегда соотносится с потребностями самих волонтеров, их видением своих возможностей. Кроме того, большинство волонтерских инициатив воплощается добровольцами на основе самостоятельно выработанных ими программ и реализуются на принципах самоуправления. По нашему мнению, в современной России нет единства принципов управления волонтерами с учетом процессов самоуправления в их сообществе, нет ориентации субъектов управления на интересы волонтеров, не учитываются их социальные ресурсы, в частности – ресурс времени, которым они обладают в разных видах и формах.

Актуальность изучения темпоральных ресурсов волонтерской общности обусловлена поиском способов и механизмов, обеспечивающих успешность и результативность деятельности российских волонтеров. Мы видим эти возможности в умелом управлении социальным временем, имеющимся в распоряжении волонтеров. По нашему глубокому убеждению, если учитывать специфику временных ресурсов волонтеров при взаимодействии с ними, будет не только происходить количественный рост волонтерской общности, но и повышаться результативность ее труда. Для определения путей решения поставленной проблемы рассмотрим, что собой представляют темпоральные ресурсы волонтеров российских городов, как они используются в их жизнедеятельности, каким образом время тратится на волонтерство, как данный ресурс сопрягается с трудовой и досуговой видами деятельности добровольцев.

Эмпирической основой анализа послужат результаты социологических опросов ИФ «Общественное мнение», НИУ «ВШЭ», а также наши собственные исследования, проведенные на региональном уровне, а именно: репрезентативный опрос волонтеров г. Екатеринбурга (N-604, 2014); экспертные интервью с руководителями ведущих некоммерческих организаций Свердловской области различных типов (N-22, 2013).

Методологические основания анализа

Рассмотрим ряд методологических аспектов, позволяющих определить характеристики темпоральных ресурсов волонтеров.

Во-первых, темпоральные ресурсы можно рассматривать как социальное время, которое находит свое отражение в стратегиях поведения добровольцев. Информационное общество развило до логического предела идею социального времени как важнейшего ресурса или капитала, принадлежащего социальным общностям. Этим ресурсом они в состоянии управлять, распоряжаться, обменивать, продавать. Его можно также потерять, упустить, неправильно распределить. Отношение волонтеров к социальному времени, особенности его использования отражаются в темпоральных стратегиях их поведения. Темпоральные стратегии поведения волонтеров представляют собой систему их жизнедеятельности, формы и способы которой ориентированы на определенные свойства и качества социального времени, необходимые для достижения каких-либо жизненных целей или преодоления жизненных трудностей.

Во-вторых, темпоральные ресурсы добровольцев проявляются в контексте обмена темпоральными благами в процессе осуществления ими разных видов деятельности: трудовой, досуговой, волонтерской, их пересечения или сопряжения в повседневных практиках отдельных волонтеров, отражающиеся в их мотивации и субъективных оценках того, что они делают. Цели использования времени в процессах социального обмена могут быть связаны со спецификой функционирования различных групп волонтеров – приобретением тех или иных социальных благ, опыта, возможности достичь определенных моральных целей и состояний и т.д.

В-третьих, темпоральные ресурсы добровольцев связаны со свободой выбора и самоопределения. В своих предыдущих работах мы уже доказывали, что свобода в распоряжении своим временем, навыками, профессиональными умениям является одной их основных сущностных характеристик волонтерства как социального феномена [5, с. 123]. К. Бидерман описывает волонтерскую деятельность как время, посвященное бесплатному труду на благо других. Она отмечает, что «человеку необходимо сделать выбор, тратить ли на это время и если да, то каким видом деятельности заниматься» [6, с. 17]. Неотъемлемым признаком волонтера она считает обязательство тратить своё время и энергию на благо других людей.

В-четвертых, темпоральный ресурс волонтеров можно рассматривать как конструктивное использование свободного времени для организации досуга посредством осуществления волонтерской деятельности. Например, по мнению А. Стеббинса в зависимости от регулярности занятий волонтерством можно выделить «карьерное» и «простое» волонтёрство. Первый вид волонтерства канадский исследователь относит к серьёзному досугу, позволяющему обменивать свободное время на специальные навыки, знания и получать возможность самореализации [7, с. 67].

В-пятых, темпоральный ресурс волонтеров представляет собой рабочее время, если же само волонтерство рассматривается как особый вид труда [8, с. 9]. Г. Е. Зборовский и А. А. Кузьминчук полагают, что трактовки времени волонтерской деятельности зависят от того, кем являются добровольцы в иной, неволонтёрской «жизни» – рабочими, инженерами, врачами, студентами и т. д. и какую по своему характеру волонтёрскую деятельность они осуществляют. «Если эта деятельность, – пишут они, – осуществляется за пределами производственной, в свободные от неё часы, то тогда речь идёт о свободном (или внерабочем) времени. Если же волонтёрская деятельность реализуется взамен производственной, то временем её осуществления будет рабочее» [10, с. 59].

Вышеперечисленные методологические аспекты демонстрируют понимание социального времени как условия осуществления волонтерской деятельности. С одной стороны, в исследовании института «Eurovol-Studie», посвященном изучению мотивации волонтеров, было показано, что наличие свободного времени является второй по значимости причиной интереса к волонтерству (отметили 34% опрошенных), а, соответственно, его отсутствие – одной из главных причиной того, почему люди не хотят быть добровольцами [6, с. 19–20]. С другой стороны, нехватка времени для работы или семьи сказывается и на прекращении или сокращении волонтерства в жизни отдельных волонтеров.

Ключевая задача нашего исследования затрагивает сферу отношения между управлением и темпоральными ресурсами волонтерской общности. Мы учитываем тот факт, что волонтеры являются одновременно представителями других городских общностей – профессиональных, культурных, возрастных и т.д. Это означает, что темпоральные стратегии их поведения складываются под влиянием условий жизнедеятельности, характерных для этих социальных общностей. Мы исходим из понимания волонтерства как символического обмена темпоральных ресурсов, имеющихся в распоряжении представителей этой общности, на иные социальные ресурсы. Востребованность различных социальных благ определяется мотивацией волонтеров к добровольческой работе: для одних это возможность удовлетворить альтруистические потребности, для других – получение определенного жизненного или профессионального опыта, для третьих – способ решения более прагматических задач (формирование социальных связей, получение рекомендаций, возможность путешествовать, посещать престижные спортивные и культурные мероприятия и т.д.).

В свою очередь различные социальные субъекты – общество в целом, отдельные социальные общности, государство, некоммерческие организации

Рис. 1. **Модель управления процессами обмена темпоральных ресурсов волонтерской общности**

заинтересованы в получении различных темпоральных ресурсов, имеющихся в распоряжении волонтеров, прежде всего их времени, возраста, позитивного социального настроения в отношении настоящего и надежды на лучшее будущее. Объем и виды времени, которые волонтер может выделить на добровольческую деятельность, определяют ее качество, масштабы и продолжительность, а значит, детерминируют качество и самой социальной общности волонтеров (ее потенциал, устойчивость, опыт и др. параметры).

Цель, механизмы и практики управления темпоральными стратегиями волонтеров, таким образом, лежат в области регулирования темпоральных отношений, связанных с различными видами этих темпоральных ресурсов и их конвертацией в социальные блага. Логика темпоральных конвертаций и место управления в этом процессе отражена на рисунке 1.

Характеристика темпоральных ресурсов волонтеров г. Екатеринбурга

Ранее мы отметили, что сегодня существует большое число направлений волонтерской деятельности. Каждое из них обладает определенной спецификой, проявляющейся в содержании добровольческого труда. В каждом выдвигаются требования к личностным и профессиональным качествам волонтеров. Однако, по нашему мнению, регулярность волонтерской деятельности (т.е. частота использования временных ресурсов волонтеров) и ее включенность в деятельность организаций третьего сектора (формальное волонтерство) являются теми основаниями, которые позволяют охарактеризовать темпоральные ресурсы наиболее распространенных в городской среде типов волонтеров.

Главное, что объединяет две подобщности волонтеров – «формальных» и «неформальных» – и одновременно определяет их отличия, являются ресурсы времени, которые они могут, хотят и тратят на волонтерскую деятельность. Результаты опроса волонтеров г. Екатеринбурга продемонстрировали существенную разницу по показателю «регулярность волонтерской работы» (коэффициент корреляции Крамера – 0,407) в двух выше обозначенных подобщностях. Практически каждый третий (32 %) из числа «формальных волонтеров» регулярно занимается добровольчеством. Среди «неформальных волонтеров» таковых в шесть раз меньше (5,5 %). Каждый второй респондент (48,5 %) первой подобщности безвозмездно помогает другим время от времени, каждый пятый (19,5 %) участвовал в волонтерских проектах 1–2 раза за последний год, в то время как среди неформальных волонтеров таковых 51 % от числа всех респондентов данной подобщности.

Результаты исследований ученых НИУ «ВШЭ», которые реализовали крупный федеральный проект по

изучению благотворительности в российских регионах, показывают, что россияне, за последний год принимавшие участие в деятельности хотя бы одной некоммерческой организации, гораздо чаще занимались добровольчеством много или несколько раз (23 и 36% против 5 и 15% среди тех, кто в деятельности НКО не участвовал) [11, с. 48].

Хотя наши данные также демонстрируют резкое отличие между выделенными подобщностями, важно отметить, что в Екатеринбурге число тех, кто редко занимается волонтерством, среди всех волонтеров значительно меньше, чем в целом по России. Таким образом, можно заключить, что благоприятная институциональная среда способствует повышению регулярности деятельности волонтеров и соответственно может служить определенным управленческим базисом, обеспечивающим темпоральные конвертации различных ресурсов волонтеров.

В целом для большинства «неформальных волонтеров» не характерна регулярность волонтерского труда. На наш взгляд, это может быть связано с ситуативным объединением людей для решения каких-либо трудностей, затрагивающих их личное пространство, со спецификой их мотивации. Решение этих проблем (например, уборка двора, очистка реки, лесопарка, тушение пожара и т.д.) не влечет за собой формирование тесных отношений между большинством горожан, работавших вместе волонтерами на неформальной основе. Исчезновение проблемы означает потерю основы для их объединения. Например, по заключению исследователей Левада-центра, ситуация «беды» устойчивых связи между людьми не создает, а «решение проблемы часто означает распад наскоро сложившихся сообществ» [12].

В том случае, когда остается личный интерес к какой-либо проблеме и возникает определенный уровень солидарности добровольцев, тогда желание заниматься этой деятельностью заставляет их искать имеющиеся, либо создавать новые институционализированные структуры в третьем секторе для реализации своих намерений. Речь идет об определенном состоянии личности волонтера как активиста, когда жизненная коллизия, с которой человек непосредственно столкнулся, становится стимулом его гражданской активности. По мнению исследователей, «это могут быть «материальные» события, случившиеся с ним самим, с родственниками, друзьями, соседями. Или это могут быть “духовные” изменения, случившиеся под влиянием каких-либо обстоятельств, и осознаваемые как личный интерес» [13, с. 20]. При этом регулярная добровольческая работа «неформального волонтера» в определенный момент способствует тому, что он примыкает к тем, кто реализует свою гражданскую активность в определенных институциональных рамках. Такие люди, как правило, ищут единомышленников в третьем секторе, чтобы присоединиться к ним, либо способствуют тому, чтобы к ним присоединялись другие «неравнодушные».

Кратко дадим характеристику тому, как волонтерство сопрягается с трудовой и досуговой деятельностью. На наш взгляд, здесь следует обратить особе внимание опять же на мотивацию и регулярность волонтерского труда как темпорального ресурса. По нашему убеждению, в российских городах большую часть волонтеров, которую возможно отнести к группе регулярно работающих добровольцев, составляют люди, имеющие непосредственное отношение к сфере социальной работы, постоянно работающие в организациях третьего сектора или государственных социальных учреждениях.

К активно работающим волонтерам или к подгруппе, которую мы маркировали как «свободные волонтеры», наши эксперты также отнесли тех, кто с определенной регулярностью в силу своих устойчивых, непоколебимых убеждений и возможностей, как правило, временны***х***, оказывают какую-либо безвозмездную помощь в любых направлениях деятельности НКО. По оценкам экспертов, эти волонтеры – активные, деятельные молодые люди, имеющие профессию и основную трудовую занятость, с абсолютно различным уровнем дохода (главная их характеристика – субъективное ощущение его достаточности), с определенной регулярностью включающиеся в деятельность НКО. Таким образом, наши данные подтверждают выводы исследователей ФОМ, которые отмечают: «Добровольцы – вне зависимости от выбора сферы применения своей активности – являются (или, по крайней мере, ощущают себя) в целом обеспеченными людьми». Лидеры НКО, принимавшие участие в исследовательском проекте ФОМ, определили своих волонтеров как «благополучных», «состоявшихся», «достаточно успешных» и «материально устойчивых людей», но и «не супербогатых», так как высоко ресурсные группы предпочитают денежные пожертвования волонтерским практикам [14, с. 23].

Главным ограничением волонтерской работы регулярно работающие волонтеры считают именно отсутствие свободного времени для этого. Как правило, для таких людей волонтерство – это часть образа жизни, в котором профессиональная деятельность переплетается с добровольчеством, рабочее время не имеет границ и пересекается со временем для отдыха. Наши данные показывают, что среди тех, кто регулярно занимается волонтерством, достаточно значительная часть – 18% респондентов не разграничивают по содержанию и по своему отношению к работе профессиональную и добровольческую занятость, тогда как среди волонтеров других групп число таких людей значительно меньше (4% и 8%) соответственно (см. рис. 2).

Если описывать регулярно работающих волонтеров, можно отметить, что по интенсивности труда и показателю вложенного в добровольческие практики времени на первое место возможно поставить большинство сотрудников российского третьего сектора и специалистов государственных социальных учреждений. Началом, объединяющим этих профессионалов и волонтеров в одну общность, для является не только содержание и социальная значимость их деятельности, но и самоидентификация.

На наш взгляд, в этом состоит еще одна особенность формирования общности волонтеров в нашей стране, где наиболее значимой оказывается роль «профессиональных волонтеров». В этом смысле «профессиональные добровольцы» при отсутствии условий для своей самореализации (в отличие от других развитых стран, где волонтерством можно профессионально заниматься, работая в организациях и получая ресурсы для удовлетворения первичных нужд, обучения и т.д.) создают эти условия в некоммерческом секторе, либо реализуют себя в социальной сфере, где работают, вовлекая в эту деятельность свое ближайшее окружение.

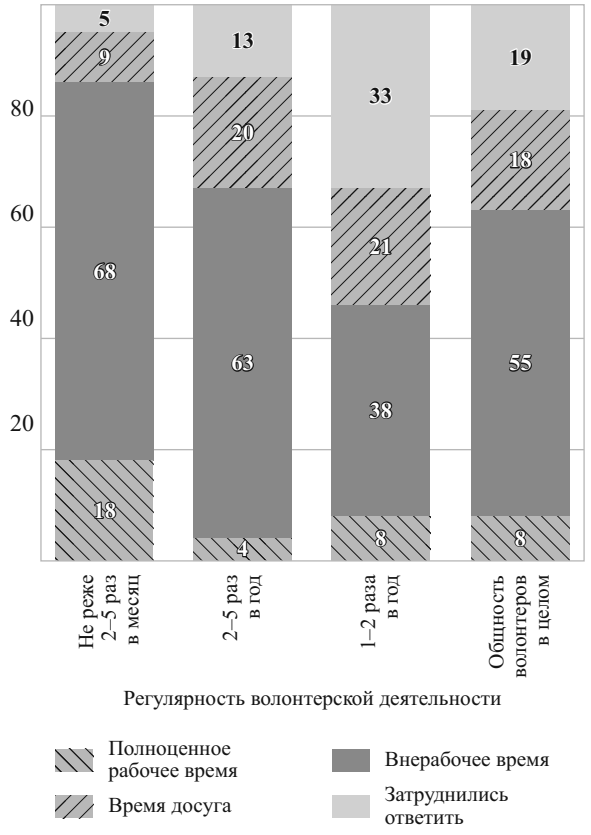

Рис. 2. **Идентификация волонтерской деятельности в оценках волонтеров г. Екатеринбурга (% от числа ответивших в группе)**

Интересно отметить, что сотрудники НКО также, как и специалисты по социальной работе в государственных учреждениях, сами идентифицируют себя как членов волонтерской общности. Они не только ощущают, но и называют себя волонтерами. При этом во многом данная самоидентификация связана не только с уровнем оплаты за реализуемую работу или ее отсутствием, но и с добровольностью сделанного выбора, эмоциональной нагрузкой и спецификой деятельности.

Охарактеризуем мотивацию поведения волонтеров как ключевую основу ресурсов для темпоральных конвертаций. Существуют различные исследовательские подходы к сегментированию волонтерской общности по данному критерию. Например, О. Н. Яницкий разделяет волонтеров на «государственных» (мотивированных государством идеологически, статусно и материально) и «гражданских» (личностно мотивированных на помощь другим вне зависимости от места и времени, а также от социального положения тех, кто нуждается в помощи) [15, с. 77–78]. Зарубежные исследователи, чаще всего разделяют членов волонтерской общности по характеру мотивации на тех, кто занимается волонтерством из эгоистических мотивов, по мотивам социальной справедливости; из-за альтруистической мотивации и по моральным убеждениям [16].

Мы же представим результаты анализа ключевых мотивов волонтеров сквозь призму темпоральности. Проанализируем мотивацию тех, кто с разной степенью регулярности занимается волонтерской деятельностью в г. Екатеринбурге. В пятерку наиболее значимых мотивов наряду с «возможностью помогать людям», регулярно работающие волонтерами респонденты включили «любимое дело, хобби», «общение с интересными людьми», «друзей» и «интересную работу». Идентифицируют волонтерство с любимым делом 41 % волонтеров этой группы. Число регулярно работающих добровольцев, обозначающих это как один из ведущих мотивов для себя, существенно выше, чем в других, выделенных нами группах (среди тех, кто работает 2–5 раз в год таковых 17 %, среди тех, кто работал 1–2 раза – всего 10 %). Все обозначенные выше мотивы характеризуют регулярно работающих волонтеров как коллективистов, чья активность ориентирована на других людей. В большей мере ценность для них представляет сам процесс помощи и взаимопомощи людей друг другу, который видимо органично вписывается в их образ жизни.

В группе тех, кто работает добровольцами время от времени, существенные отличия наблюдаются в приоритетности для них мотивов, косвенно демонстрирующих рациональный расчет при выборе волонтерского труда. В этой группе на втором месте по

своей значимости для волонтеров оказывается мотив «полезные знакомства», на третьем – «опыт работы». Выше значимость для них и опыта общественно-политической деятельности, в качестве важного его указали 22 % респондентов данной группы. Для тех волонтеров, которые принимали участие в волонтерских проектах не более чем 1–2 раза за год, кроме «возможностей помогать людям» важными оказались такие мотивы как: «общение с интересными людьми», «опыт работы», «уважение окружающих», «полезные знакомства» и «возможность улучшить жизнь вокруг себя».

Одной из ключевых проблем, выявленных при рассмотрении мотивации волонтеров, является противоречие между альтруистическими и эгоистическими мотивами добровольцев. Постоянная демаркационная линия проходит между сутью самого феномена волонтерства, безвозмездностью, добровольностью труда волонтеров без каких-либо очевидных выгод и их стремлениями к самореализации. Обозначенное противоречие становится очевидным при анализе мотивации волонтеров разных возрастных групп, что позволяет нам рассматривать их возрастные характеристики как темпоральный ресурс.

Для волонтеров любого возраста на первом месте по значимости оказывается «возможность помогать другим людям». Однако молодое поколение одновременно ориентировано на профессиональное и карьерное развитие. Практически равнозначно они оценивают важность для себя таких мотивов, как «полезные знакомства» и «опыт работы», их выделили 42 % и 39 % соответственно из числа респондентов 18–34 лет. Более альтруистически направленная мотивация характерна для добровольцев 35–54 лет, 30 % из их числа выбрали «любимое занятие, хобби» как один из ведущих мотивов. Для каждого четвертого из них (24 %) значима «возможность улучшить жизнь в своем доме улице, районе, городе), 22 % респондентов этой возрастной группы выделили «общение с интересными людьми».

К занятиям волонтерством молодежь больше всего мотивирует «возможность помогать людям», «полезные знакомства», «общение с интересными людьми» и «практический опыт работы». Существенное значение для молодых людей представляет «опыт общественно-политической деятельности», этот мотив обозначили 29 % респондентов данной возрастной группы. Результаты нашего опроса демонстрируют противоречивость мотивации молодых волонтеров: их альтруистические мотивы рядоположены с прагматической, устремленной на профессиональное и карьерное развитие мотивацией.

Людям среднего возраста (от 35 до 55 лет) участие в волонтёрской деятельности открывает «возможность помогать людям», заниматься своим любимым делом, изменить в сторону улучшения жизнь в своем доме улице, районе или городе, завести полезные знакомства, общаться с интересными людьми. Для волонтеров старшей возрастной группы значимым оказывается «уважение окружающих», «опыт работы», возможность улучшить пространство своего проживания. Для каждого четвертого волонтера пенсионного возраста, собственно, как и для каждого четвертого молодого человека, занимавшегося волонтерской деятельностью, важна возможность получить новых друзей.

Проблемы и возможности управления волонтерами в крупных мегаполисах

Цель управления волонтерами на уровне отдельного муниципального образования заключается в управлении темпоральными стратегиями их поведения путем обеспечения условий для адекватного обмена ресурсами и оптимального использования темпоральных ресурсов волонтеров в ходе достижения социального эффекта. Суть управления темпоральными стратегиями волонтеров, на наш взгляд, заключается в согласовании интересов и задач всех субъектов взаимодействия в сфере добровольческой деятельности.

Эта цель должна быть реализована в стремлении субъектов управления (в нашем случае речь идет об органах местного самоуправления, муниципальных службах, различных социальных учреждениях, некоммерческих организациях) превратить социальное время членов волонтерской общности в «серьезный досуг» и/или время волонтерского труда с учетом их потребностей, возможностей и мотивации.

Проведенный анализ позволил нам высветить те проблемные, конфликтные ситуации, которые складываются в зонах пересечения институциональных механизмов управления развитием волонтерства и темпоральными стратегиями поведения самих волонтеров, процессов их темпоральной самоорганизации и саморегуляции. Причины выявленных противоречий видятся нам, с одной стороны, в несовершенстве механизмов управления волонтерами и их деятельностью, сложившимися на уровне формальных управленческих структур, в их ориентации на методологические принципы парадигмы «жесткого управления», недооценке значимости фактора времени в регулировании жизнедеятельности социальной общности. С другой стороны, причиной сложившейся ситуации служит отсутствие в системе управления механизмов обратной связи, позволяющих быстро и адекватно реагировать на особенности темпоральной самоорганизации социальных общностей, потребности, возможности и мотивацию самих волонтеров.

Как нам кажется, благодаря процессам темпоральной самоорганизации у волонтеров формируются различные варианты «темпорального» обмена с использованием двух главных темпоральных ресурсов – рабочего и свободного времени:

1) конвертация свободного времени в «серьезный досуг» (для волонтеров важны свои увлечения, круг общения и т.д.);

2) конвертация свободного времени в добровольческую активность как разновидность труда (волонтерами движет возможность трудоустройства, приобретение и закрепление знаний умений и навыков);

3) конвертация рабочего времени в «серьезный досуг» (волонтеры руководствуются корпоративной этикой, корпоративной культурой своей организации, профессионального сообщества и т.д.);

4) конвертация рабочего времени (по основному месту работы) в добровольческий труд (волонтеры становятся профессиональными политиками, социальными работниками, социальными педагогами, правозащитниками, психологами, важными становятся различные компетенции и т.д.);

Разновидности темпорального обмена с использованием времени волонтеров соответствуют традиционным представлениям о волонтерстве. Темпоральная самоорганизация в этом случае основана на свободном смыслополагании такого обмена и мотивации к нему, складывающейся как результат ценностного выбора в условиях сконструированного на муниципальном уровне институциональной среды. Понимание населением разных возрастных групп возможностей и необходимости использования свободного времени для волонтерской деятельности должны целенаправленно формироваться под влиянием пропаганды волонтерского движения, организованного некоммерческими организациями, государственными учреждениями (культуры, образования, социальной защиты и т.д.), а также органами местного самоуправления. На первый взгляд, эти возможности сегодня широко используются названными субъектами управления для обеспечения различных проектов. Между тем анализ данных социологических исследований, в том числе и нашего исследования, демонстрирует, что темпоральные ресурсы волонтеров используются не всегда рационально и с соблюдением принципа эквивалентного обмена. Речь идет о совершенно разных условиях привлечения волонтеров в независимые НКО и волонтерские структуры, обслуживающие государственные проекты. Ослабляя финансовую, правовую, информационную, организационную и иные виды государственной поддержки НКО, а порой и напрямую препятствуя их деятельности, органы власти «оттягивают» на себя дефицитные ресурсы времени волонтеров для решения собственных проблем. Достаточно сравнить активность организаторов волонтерского движения по различным направлениям деятельности, чтобы увидеть, насколько она была высока в отношении подготовки волонтеров к Универсиаде 2013 г. в Казани, сочинской Олимпиаде 2014 г., организации в 2015 г. гуманитарной помощи ДНР и ЛНР, а также беженцам с этих территорий боевых действий по сравнению с традиционными направлениями (помощь детям-сиротам, пенсионерам, инвалидам, защита природы и т.д.).

Проблема управления темпоральными стратегиями поведения волонтерской общности видится в противоречии между высоким уровнем дефицитности свободного времени у большинства волонтеров и нерациональным использованием этих ресурсов не только в актуальном, но и в перспективном плане. Работа независимых НКО строится как на организации повседневной волонтерской помощи, так и проектном подходе и, как правило, носит системный характер, обеспечивающий формирование волонтерства как образа жизни. Государственная же поддержка волонтерского движения носит событийный, несистемный характер, а значит, не направлена на формирование и поддержание устойчивых ценностных ориентаций на волонтерскую деятельность как сферу использования свободного времени.

Обращает на себя внимание такой узел проблемы, как ассиметрия в использовании возрастных ресурсов российской волонтерской общности, проявляющаяся в смещении в сторону молодого возраста. Формально никаких ограничений верхней возрастной границы для занятий волонтерством нет, но активность большинства управленческих структур сфокусирована именно на организованной молодежи.

Еще одна проблема видится в отношениях между видами темпорального обмена, в которые «вовлечено» рабочее (у студентов – учебное) время. В практике государственного регулирования волонтерского движения, к сожалению, отсутствуют формы поддержки и защиты тех групп волонтеров, которые решают потратить на добровольчество не только свое свободное, но и рабочее время. Четко не артикулирована и ответственность работодателей перед теми сотрудниками, которые готовы заниматься и занимаются добровольчеством. Такие стратегии темпорального поведения среди российских волонтеров сегодня не имеют широкого распространения, поскольку немногие из них готовы пожертвовать работой, зарплатой, рисковать трудовой занятостью ради волонтерской деятельности. Сохранение каких-либо социальных гарантий (места работы, заработной платы и т.д.) волонтерам, решившимся на такой темпоральный обмен, остается прерогативой работодателя.

В условиях социально-экономического кризиса обозначенные нами противоречия не только не исчезнут, но, скорее всего, усилятся вследствие сокращения государственной финансовой поддержки НКО, уменьшения свободного времени в бюджете большинства россиян, которые будут увеличивать рабочее время для сохранения уровня жизни.

В условиях ресурсного дефицита у большинства горожан (нехватки денег и времени) наибольшие перспективы для активизации нереализованного потенциала волонтерства заключаются в реализации корпоративных проектов, осуществляемых за счет рабочего времени по месту занятости. Еще одни источник поддержания волонтерской активности среди горожан представляют организованные структуры: спортивные центры, образовательные организации, учреждения культуры, где люди объединяются в коллективы исходя из своих собственных интересов и возможностей, имеют схожие цели и увлечения, имеют возможности для совместного труда, в том числе на добровольной основе. Основную роль в активизации данных процессов должен выполнять некоммерческий сектор. К большому сожалению, сегодня на уровне отдельных муниципалитетов он недостаточно развит. В связи с этим, основная роль в поддержке гражданских инициатив локального уровня ложится на органы местного самоуправления, которые могут инициировать, создавать и ресурсно поддерживать некоммерческие партнёрства с целью стимулирования развития третьего сектора на уровне отдельных муниципалитетов.

В рамках городских проектов и программ следует стимулировать городские некоммерческие организации к реализации социальных проектов на принципах социального партнёрства с коммерческими организациями с целью переноса нагрузки затраты времени на работодателей. Так как волонтеры получают ресурс времени на реализацию своей добровольческой деятельности, муниципальные власти конкретные проекты по решению насущных проблем жителей территорий, коммерческие организаци − тимбилдинг, развитие корпоративной культуры и социальную рекламу.

Принципиальное значение сегодня имеем развитие детского и юношеского волонтерства в системе образования и муниципальных учреждениях культуры как перспективное направление, нацеленное на формирование культуры волонтерского труда среди горожан.

Литература:

1 *Кузьмичева М.* Материалы X общероссийской конференции по добровольчеству [электронный ресурс]. URL: http://sreda.org/ru/2013/11-noyabrya-2013-v-vyisshey-shkole-ekonomiki-proshla-x-obshherossiyskaya-konferentsiya-po-dobrovolchestvu/31641. (дата обращения 20.05.2015)

2 Данные опроса «ФОМнибус» 18–19 мая 2013 г. 100 населенных пунктов, 43 субъекта РФ, 1500 респондентов [электронный ресурс]. URL: http://fom.ru/obshchestvo/10927. (дата обращения 20.01.2015)

3 Данные опроса «ФОМнибус» 10 мая 2013 г. 100 населенных пунктов, 43 субъекта РФ, 1500 респондентов [электронный ресурс]. URL: http://soc.fom.ru/obshchestvo/11005. (дата обращения 20.01.2015)

4 Данные опроса «ФОМнибус» 8 сентября 2013 г. 100 населенных пунктов, 43 субъекта РФ, 1500 респондентов [электронный ресурс]. URL:http://fom.ru/obshchestvo/11081. (дата обращения 20.01.2015)

5 *Певная М. В.* Волонтерство как социологическая категория: определение понятия // Вестник СурГПУ. 2012. №2. С. 118–126.

6 *Бидерман К.* Координация работы добровольцев и менеджмент волонтёрских программ в Великобритании / пер. с нем. М. Санниковой, И. Мюллер. М.: British association of settlements and social action centres, 1999. 64 с.

7 *Стеббинс Р. А.* Свободное время: к оптимальному стилю досуга // Социологические исследования. 2006. №7. С. 64–72.

References:

1 *Kuzmicheva M.* Materials of the X National conference on volunteering [e-recourse]. URL: http://sreda.org/ru/2013/11-noyabrya-2013-v-vyisshey-shkole-ekonomiki-proshla-x-obshherossiyskaya-konferentsiya-po-dobrovolchestvu/31641. (date of reference 20.05.2015)

2 The survey data of the “FOMnibus” 18–19 May 2013, 100 settlements, 43 subject of the Russian Federation, 1500 respondents [e-recourse]. URL: http://fom.ru/obshchestvo/10927. (date of reference 20.01.2015)

3 The survey data of the “FOMnibus” May 10, 2013, 100 settlements, 43 subject of the Russian Federation, 1500 respondents [e-recourse]. URL: http://soc.fom.ru/obshchestvo/11005. (date of reference 20.01.2015)

4 The survey data of the “FOMnibus” September 8, 2013, 100 settlements, 43 subject of the Russian Federation, 1500 respondents [e-recourse]. URL:http://fom.ru/obshchestvo/11081. (date of reference 20.01.2015)

5 *Pevnaya M. V.* Volunteering as a sociological category: definition // Vestnik SurGPU. 2012. №2. P. 118–126.

6 *Biderman K.* Coordination of volunteers and volunteer management program in the UK / Translated from the German M. Sannikova, I. Muller. M.: British association of settlements and social action centres, 1999. 64 p.

7 *Stebbins P. A.* Free time: to optimal style of leisure // Sociologicheskiye issledovaniya. 2006. №7. P. 64–72.

Литература:

8 *Salomon M., Sokolowski S., Haddock M.* Measuring the economic value of volunteer work globally: concepts, Estimates and a roadmap to the future // Annals of Public and Cooperative Economics. USA: Johns Hopkins University, 2011. Pp. 217–252.

9 *Wardell F., Lishman J., Whalley L. G.* Who is volunteer? // British Journal of Social Work. 2000. №30. Pp. 217–252.

10 *Зборовский Г. Е., Кузьминчук А. А.* Социальная общность волонтеров сквозь призму темпоральных стратегий их поведения // Вестник СурГПУ. 2012. №2. С. 57–70.

11 *Мерсиянова И. В.* Благотворительность и участие россиян в практиках гражданского общества: региональное измерение / И. В. Мерсиянова, И. Е. Корнеева; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2013. Выпуск VIII.

12 Пресс-выпуск «Потенциал гражданского участия в решении социальных проблем [электронный ресурс]. URL: http://www.levada.ru/09-09-2014/potentsial-grazhdanskogo-uchastiya-v-reshenii-sotsialnykh-problem. (дата обращения 19.09.2014)

13 Российский неполитический активизм: наброски к портрету героя: отчет о результатах исследования активизма в России. М.: Грани, 2012. 65 с.

14 Ресурсы российского добровольчества: аналитический доклад по результатам исследований Фонда Общественное Мнение 2012–2013 гг. М.: ФОМ, 2012. 109 с.

15 *Яницкий О. Н.* Волонтёры: гражданские и государственные // Социологическая наука и социальная практика. №1 (5). С. 71–89.

16 *Simha A., Topuzova L. N., Albert J. F.* V for Volunteer(ing) – The Journeys of Undergraduate Volunteers // J Acad Ethics. 2011. P. 107–126.

References:

8 *Salomon M., Sokolowski S., Haddock M.* Measuring the economic value of volunteer work globally: concepts, Estimates and a roadmap to the future // Annals of Public and Cooperative Economics. USA: Johns Hopkins University, 2011. Pp. 217–252.

9 *Wardell F., Lishman J., Whalley L. G.* Who is volunteer? // British Journal of Social Work. 2000. №30. Pp. 217–252.

10 *Zborovskiy G. E., Kuzmenchuk A. A.* The social community of volunteers through the prism of the temporal strategies of their behavior // Vestnik SurGPU. 2012. №2. P. 57–70.

11 *Mersiyanova I. V.* Charity and participation of Russians in the practices of civil society: the regional dimension / I. V. Mersiyanova, I. E. Korneeva; National Research University “High School of Economics”. M.: NIU VSHE, 2013. VIII edition.

12 Press release “The potential of citizen participation in solving social problems” [e-recourse]. URL: http://www.levada.ru/09-09-2014/potentsial-grazhdanskogo-uchastiya-v-reshenii-sotsialnykh-problem. (date of reference 19.09.2014)

13 The Russian non-political activism: sketches for the portrait of a hero: a report on the results of studies of activism in Russia. M.: Grani, 2012. 65 p.

14 Resources of the Russian volunteering: an analytical report on the results of the Public Opinion Foundation research 2012–2013. M.: FOM, 2012. 109 p.

15 *Yanickiiy O. N.* Volunteers: civil and government // Sociologicheskaya nauka I socialnaya. №1 (5). P. 71–89.

16 *Simha A., Topuzova L. N., Albert J. F.* V for Volunteer(ing) – The Journeys of Undergraduate Volunteers // J Acad Ethics. 2011. P. 107–126.